

Рецензии

УДК 82-343

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-287-294

Рец. на книгу:

Басангова (Борджанова) Т.Г.

Животные в калмыцком фольклоре.

Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. 192 с.

Елена В. Комкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lleyna5115@gmail.com*

Аннотация. Часто для исследования и работы с текстами фольклора их классифицируют, используя в качестве основы тип персонажей. Животные, как главные, а то и вовсе – единственные герои, характеризуют анималистический фольклор, широко представленный, например, в традиции монгольских народов. Однако в традиции калмыков, как части западно-монгольской народности, роль животных изучена мало. Т.Г. Басангова посвятила этой области знания ряд работ, в которых анализировалась роль того или иного персонажа-животного: «Кот/кошка в калмыцком фольклоре» (2019), «Образ Зара Цецена (Ежа Мудрого) как культурного героя в фольклорной традиции калмыков и ойратов Синьцзяна» (2017).

Рецензируемая монография посвящена исследованию того, как представлены животные в качестве персонажей в мифологии, поэзии, фольклорных и литературных сказках, танцах, орнаментах и многих других фольклорных текстах. Исследуется целый пласт материала, часть которого была собрана и введена в научный оборот самой Т.Г. Басанговой, другая же часть – обнаружена в ходе рассмотрения архивных записей экспедиций, предпринятых в XX в.

Работая с фольклорными текстами, Т.Г. Басангова прибегает к сравнительному методу: привлекаются общемонгольские сюжеты, тексты, специфические для некоторых монгольских народов, нарративы, принадлежащие народам, соседствующим с калмыками. Значимая роль отводится классификации материала, соотносению его с типологией А. Аарнэ и В.Я. Проппа.

Содержательно главы монографии структурированы следующим образом: называется имя животного, приводятся значения этого слова в калмыцком языке и относящиеся к нему этимологические гипотезы,

© Комкова Е.В., 2022

обсуждается роль данного животного в различных фольклорных текстах и этнографических источниках, начиная с тех, где его упоминания наиболее частотны. Анализ сопровождается многочисленными ссылками на собранный материал и научные исследования, указанные в конце каждого подраздела главы.

Рецензируемая монография является квинтэссенцией многолетних исследований Т.Г. Басанговой, открывает калмыцкий анималистический фольклор как для ученых, так и для широкого круга читателей.

Ключевые слова: анималистические сказки, сказочные сюжеты, калмыцкий фольклор, фольклор монгольских народов, сравнительные методы

Для цитирования: Комкова Е.В. [Рец.]: Басангова (Борджанова) Т.Г. Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. 192 с. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 287–294. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-287-294

Book review:

Basangova T.G. Animals in Kalmykian folklore.
Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, 2019. 192 p.

Elena V. Komkova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lleyna5115@gmail.com

Abstract. In order to research and work with folklore texts, they are often classified, using character type as the basis. Animals as protagonists, if not the only protagonists, characterize animalistic folklore, widely represented in the traditions of the Mongolian peoples, for instance. However, the role of animals in the tradition of the Kalmyks, as part of the Western Mongolian people, has not been studied enough. T.G. Basangova has devoted a number of papers to this field of knowledge, analyzing the role of different animal characters. “A male/female cat in Kalmykian folklore” (2019) or “The image of Hedgehog the Wise as a Cultural Hero in folklore tradition of Kalmyks and Oirats of Xinjiang” (2017), for instance.

The monograph under review explores how animals are represented as characters in mythology, poetry, folklore and literary tales, dances, ornaments and many other folklore texts. A whole stratum of material is being researched, some of which has been collected and researched by T.G. Basangova, and some was discovered in the course of reviewing archived expedition records, which was collected in the 19 century.

In order to work with the folklore texts, T.G. Basangova employs a comparative method involving general Mongolian stories, texts specific to certain

Mongolian peoples, and narratives belonging to peoples neighboring the Kalmyks. A significant role is played by classifying the material, relating it to typologies of A. Aarne, V.Y. Propp.

The chapters of the monograph are structured as follows: the name of the animal, the meanings of the word in the Kalmyk language and the etymological hypotheses relating to it are given, and the role of the animal in various folklore texts and ethnographic sources are discussed, starting with those where it is most frequently mentioned. The analysis is accompanied by numerous references to the material collected and research studies listed at the end of each subsection of the chapter.

The monograph under review is the quintessence of many years of research taken by T.G. Basangova. It opens Kalmyk animalistic folklore to scholars and the general public alike.

Keywords: animalistic tales, folktale types, Kalmykian folklore, folklore of Mongolian peoples, comparative methods

For citation: Komkova, E.V. (2022), "[Book review]: Basangova, T.G. (2019), *Zhivotnye v kalmytskom fol'klore* [Animals in Kalmykian folklore], Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, Elista, Russia, 192 p.", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, no. 4, part 2, pp. 287–294, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-287-294

Исследовать персонажей фольклора и через призму подобного исследования взглянуть на культуру какого-либо народа – такие цели можно поставить перед собой, изучая, например, персонажей-животных в устных традициях этого народа. Рецензируемая монография обращена к малоизученной области калмыцкого фольклора – персонажам-животным, их действиям и характеристикам в произведениях разных жанров.

Автор – доктор филологических наук Тамара Горяевна Басангова (Борджанова), известный специалист по магической поэзии и мифологии калмыков¹, составитель и переводчик сборника калмыцких сказок «Сандаловый ларец»².

¹Борджанова Т.Г. Магическая поэзия калмыков: Исследования и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.; Она же. Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007; Мифы, легенды и предания калмыков / Подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т.Г. Басанговой; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев, Е.Н. Кузьмина. М.: Наука – Вост. лит., 2017.

²Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / Сост., предисл., пер., вступ. ст., коммент. Т.Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.

В рецензируемой книге содержится богатый сказочный материал, часть которого была собрана и введена в научный оборот Т.Г. Басанговой. Это сказки о животных, сказки волшебные и некоторые другие, а также собрание примет, мифологических нарративов, обрядовых текстов и изобразительных источников – ведь персонажи-животные действуют не только в анималистических сказках. В калмыцком фольклоре, например, большой исследовательский интерес представляют сравнительно малоизученные кумулятивные сказки³. С аналогичной жанровой разновидностью европейской сказки их роднит не только особая композиционная структура, но и наличие этиологического компонента, активное участие персонажей-животных и включенность этих текстов в фольклор для детей. Их спецификой является также сохранение стихотворных фрагментов – возможно, более древних по сравнению с прозаическими частями. Возьмем, например, сказку «Шла я светлой лунной ночью», где говорится об обмене разными предметами между животными и людьми:

*Сарин сарулла йовэж йовад,
Сам олж (авбв),
Самиг би ээждэн өгүв,
Ээжм нанд хөөрмхулдэж өглэ,
Ээжин хөөрмган ноход өгүв,
Ноха кичгэн огв,
Нохан кичиг би назрт өгүв,
назр нанд өвсэн өгөв,*

Шла я светлой лунной ночью,
Гребешок нашла,
Гребешок я бабушке отдала,
(Золовка) мне хойрмок купила,
Хойрмок, подаренный бабушкой
я собаке отдала,
Собака щенка отдала,
Щенка я подарила земле,
Земля дала мне траву ...

В приведенном отрывке, видимо, содержится упоминание обряда жертвоприношения земле⁴. Цепочка событий, начинающаяся с того, что героиня находит гребень, заканчивается словами, которые произносит героиня, приехавшая верхом на верблюде: «Старушка, которая прибыла к вам, это я!» Можно увидеть сходство данной формулы с концовками восточнославянских волшебных сказок: «На том пиру и я был, мед и вино пил, по усам текло, в рот не попало, на душе пьяно и сытно стало».

³Сандаловый ларец. С. 191–199; Басангова Т.Г. Калмыцкая кумулятивная сказка (публикация текстов) // Mongolica-XXI. СПб.: Петербургское востоковедение, 2018. С. 50–54.

⁴Басангова (Борджанова) Т.Г., Манджиева Б.Б. О типологических связях калмыцкого и балкарского фольклора (на примере детской песни). URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_27/8176-basangova-mandzhieva.html (дата обращения 15 января 2022).

В своем исследовании сюжетов анималистических сказок Т.Г. Басангова опирается на классификацию, предложенную А. Аарне в его указателе сказочных типов, однако несколько видоизменяет данную классификационную систему с учетом локальных особенностей материала, в результате чего она приобретает следующий вид:

- Сказки о диких птицах (вороне, журавле, ласточке) выходят на передний план и анализируются в начале исследования.
- Далее анализируются сказки о домашних животных (кошке, собаке, козе, корове, верблюде).
- Затем идут сказки о диких животных (лисе, волке, зайце).
- Из других животных выделяются лягушка, мышь, змея, ёж, а также паук.
- Сказки о растениях, вообще редкие сами по себе (АТУ 293В*, 293D*, 293Е*, 297В), в калмыцком фольклоре практически отсутствуют.

Такое распределение типов основывается на их представленности в собранном материале и на его объеме; кроме того, оно может быть связано с представлением о трехчастной вселенной в мировоззрении калмыков, согласно которому птицы соотносятся с Небом и Верхним миром, домашние животные – с пространством человека и Средним миром (а дикие – с местами, удаленными от обитания людей), животные же, роющие норы и ползающие по земле, могут ассоциироваться с Нижним миром.

Обращаясь к фольклору того или иного народа, мы рассматриваем в том числе его культурные ценности и представления о мире. С ними связан пласт мифологических мотивов, обнаруживаемый в приметах, запретах и предписаниях. Скотоводство – основа хозяйства кочевника, но и об охоте для добычи мяса и шкур тоже забывать не стоит, как и о желании предотвратить несчастья, приводящие к гибели животных: болезни и стихийные бедствия.

Приведем в качестве примера обычай дербетов дважды вскрикивать, увидев черного паука: «Дядюшка Манджи, дядюшка Манджи!». С одной стороны, это выражение суеверного страха перед «опасным существом», предупреждение о том, где оно находится. Однако, с другой стороны, обратим внимание на черный цвет паука (*хар*), который в картине мира калмыков связан с Нижним миром, а еще – с нежелательным поведением: *хар керг* 'преступление'. Таким образом, упоминание этого цвета указывает на «чуждость» паука, но само оказанное ему внимание, как и обращение «дядюшка», одновременно выражает уважение и даже намек на некоторое родство (с. 153; здесь и далее в тексте – ссылки на рецензируемое издание).

Говоря о картине мира, нельзя не упомянуть о календаре. Как и у всех монгольских (шире – восточноазиатских) народов, основной калмыцкого календаря является двенадцатилетний цикл, в котором каждый год носит имя животного: тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, свиньи, мыши, коровы. Чрезвычайно распространен общемонгольский сюжет о споре мыши и верблюда за первое место в календаре – согласно ему, мышь перехитрила верблюда: увидела рассвет раньше, забравшись ему на голову (с. 129–130). Кроме того, на мировоззрение калмыков оказывает влияние буддизм, что отражается в сюжетах сказок и легенд. Так, использование буддийских элементов обнаруживается при анализе фольклорного образа кошки, тогда как сказка, где кошка проповедует мышам и постепенно поедает их, строится на известном международном сюжете «Ложное наставничество» (АТ 113В).

Содержательно главы монографии структурированы следующим образом: называется имя животного, приводятся значения этого слова в калмыцком языке и относящиеся к нему этимологические гипотезы, обсуждается роль данного животного в различных фольклорных текстах и этнографических источниках, начиная с тех, где его упоминания наиболее частотны. Т.Г. Басангова обращает внимание и на «эмную» классификацию жанров внутри самой традиции, оперируя калмыцкими наименованиями жанров фольклора, что позволяет понять их значимость для исследования.

В качестве примера рассмотрим главу III. 2 «Журавль» (с. 38–51). В начале приводится слово «журавль» на калмыцком (*тоһрун*), затем рассказывается о его религиозно-мифологических функциях, о запретах, связанных с этой птицей. Так, с запретом на убийство журавля связан сюжет протяжной песни, в которой птица проклинает человека, убившего ее птенцов – распространенный среди монгольских народов сюжет о «птичем харале (проклятье)». Впрочем, у журавля есть не только грозный аспект, с весенними «танцами» журавлей связан значительный пласт свадебного фольклора (песен и танцев), хотя при этом крик журавля калмыки слышат не только в свадебных песнях, но и в выкриках воинов. Наконец, с танцами журавлей связывались обрядовые тексты, произносившиеся, чтобы приблизить весну; ритм произносимых слов якобы побуждал птицу танцевать. В конце главы анализируется образ сказочного журавля и весь круг его действий.

Анализ сопровождается многочисленными ссылками на собранный материал и научные исследования, указанные в конце каждого подраздела главы. Ссылки на сюжеты приводятся по

указателям АА (Аарне-Андреева) и СУС – когда это требуется для сопоставительного изучения и выявления фольклорного влияния соседних славянских народов. К сожалению, отсутствуют ссылки на указатель сюжетов монгольских сказок Л. Лёринца⁵, учитывающий также и калмыцкий материал.

Есть в рецензируемой монографии и небольшая неточность. При описании концепции, положенной автором в основу подбора материала, говорится, что это – классификация сказок о животных, принадлежащая В.Я. Проппу, и в ней выделяются следующие группы:

- сказки о диких животных,
- о диких и домашних животных,
- о человеке и диких животных,
- о домашних животных,
- о птицах и рыбах,
- о других животных и растениях (с. 6).

После указанной цитаты дается ссылка на издание В.Я. Проппа 2000 г.⁶, однако на указанной странице его собрания сочинений находится глава III «Краткий обзор сюжетов волшебной сказки», в которой систематизация сказок о животных не обсуждается. Об интересующей нас классификации речь идет в главе II «История изучения сказки», но в ней говорится, что таким образом сказки подразделял А. Аарне (с опорой на А.Н. Афанасьева) – таким образом, данная классификация не принадлежит Проппу и, более того, он этот подход критикует.

В целом монография исключительно полезна как для исследователей, изучающих роль животных в фольклоре или вообще фольклор монгольских народов, так и для широкого круга читателей, которые интересуются самобытной калмыцкой традицией. Для удобства читателей в конце книги есть библиография и приложение, содержащее анималистические и кумулятивные сказки в русском переводе, взятые из уже упоминавшегося сборника «Сандаловый ларец», а прекрасные иллюстрации художницы Герля Владимировны Нуровой чрезвычайно удачно дополняют и украшают публикуемый материал.

⁵Lőrincz L. Mongolische Marchentypen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. 428 s.

⁶Пропп В.Я. Русская сказка: собрание трудов В.Я. Проппа. М.: Лабиринт, 2000. С. 272. URL: <https://booksite.ru/fulltext/prop/index.htm> (дата обращения 12 января 2022).

Информация об авторе

Елена В. Комкова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lleyna5115@gmail.com

Information about the author

Elena V. Komkova, Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lleyna5115@gmail.com